

DOI 10.35775/PSI.2025.69.4.022

УДК 32.327

А.А. ТУШКОВ

доктор исторических наук, доцент,
профессор Академии военных наук,
Россия, г. Москва

В.Н. ВОРОНОВ

доктор исторических наук, профессор,
профессор Академии военных наук,
Россия, г. Москва

Ю.А. БУХАРОВА

кандидат исторических наук,
преподаватель Военной академии РВСН
имени Петра Великого, Россия, г. Москва

МОДЕЛИ ГЕОПРОСТРАНСТВА В МЕТОДОЛОГИИ ОРГАНИЗАЦИИ ПОГРАНИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА

В предлагаемой статье авторы проводят научный анализ классификации геополитических концепций и моделей в организации пограничного пространства, которые рассматриваются как элемент системы общих процессов, характеризующие современный политический ландшафт межгосударственных отношений. Авторы затрагивают элементы геополитических моделей, которые рассматриваются в рамках субъект-объектных отношениях геополитического процесса.

Ключевые слова: пограничное пространство, концепция «географической причинности», модели геопространства, мировых центров, геополитических макроструктур, пограничных пространств в собственном значении, пространств геополитической нестабильности.

Наиболее распространенной на сегодняшний день является классическая таксономия геополитических концепций по их принадлежности национальным школам. Наиболее близким к классификации авторам представляется анализ классических и современных подходов к категории «геополитика», выполненный А.В. Кулаковым [9. С. 33-69] и в диссертационной работе О.Н. Тыняновой [17]. Осуществленный авторами статьи анализ классических и современных геополитических концепций позволил выделить некоторые аспекты, отражающие современный политический ландшафт межгосударственных отношений. В частности, основные принципы построения геополитических моделей, различающихся по своим базовым динамическим элементам – субъектам и объектам геополитических процессов, а также по подходам к проблеме пограничного пространства и его организации в обеспечении безопасности России. Рассматривая

таксономию ключевых геополитических концепций и моделей, важно сделать допущение, что любая классификация достаточно условна и отвечает задачам предстоящего исследования.

В этом отношении классической стала концепция **«географической причинности»** (в современном прочтении – **«геополитика пространств»**), сформировавшаяся в качестве теории геополитического районирования, разработанная и представленная моделями Х.Дж. Маккиндера. При этом важно сделать ссылку на многоплановый масштаб большинства геополитических моделей. В результате чего авторами в качестве «пограничного» в рамках данного направления рассматривается все пространство «промежуточного» геополитического районирования.

К данному направлению могут быть отнесены следующие геополитические модели:

Первое направление: **«модели мировых центров»** – от «хартленда» Х.Дж. Маккиндера [11] и Н. Спайкмена [27] до моделей полицентричного мира С. Коэна [23], а также хорологической концепции «срединности» В.И. Ламанского [10], «мирового униполюса» А. Страуса [16] и «семи параллелей однополярного мирового пространства» Й. Галтунга [25]. В этом отношении особенностью концепции «модели мировых центров» в качестве территориально-политической организации пространств («пограничности») являются:

- непосредственно примыкающее к «сердцевинной» («срединной») земле (кроме модели Н. Спайкмена, где «римленд» представляет собой «пограничное пространство» «внешнего полумесяца», а не «хартленда», как у Х.Дж. Маккиндера);

- Среднего Востока как «разделенного пояса» нестабильности, региона (Центрально-Восточной Европы) и более 20 отдельных «стран-районов и точек-ворот», потенциально способствующие связям между макрорегионами и отдельными государствами в концепции С. Коэна;

- России как «границы» Запада с враждебным ему Востоком у А. Страуса;

- шести гегемонов как «пограничья» США и собственной периферии каждого из шести гегемонов у Й. Галтунга.

Второе направление: **«модели геополитических макроструктур»** – К. Шмитта [22], К. Хаусхофера [19. С. 353-370] и других. Так, концепции В.Л. Цымбурского [20], ключевыми понятиями которой являются лимитроф – «промежуточное пространство между империями» и лимес – «неустойчивая окраина имперской и цивилизационной платформы» [21. С. 57]. Автор данной концепции рассматривает и регионы, маркируемые одновременно и как лимес, и как лимитроф (например, Кавказ или Закавказье в целом). С точки зрения неомарксистов И. Валлерстайна [4], Р. Кокса [6] и др., идея «пограничного» пространства К. Хаусхофера (где каждый «панрегион» рассматривается исследователем как северное ядро и южная периферия), имеет исходные параметры. При этом главный вектор изменений определяется формированием глобальной мировой

системы («мир-системы»), структурными звеньями которой являются крупные группы государств, образующие мировой Центр и мировую Периферию. Так, Имунуил Валлерстайн [4] разделил мировую систему на три части: Ядро, Полупериферию и Периферию. По его мнению, Ядро – это страны Западной Европы, Северная Америка, Япония, как государства с современной экономикой, а в полупериферию и периферию включены страны второго и третьего мира. В этом отношении представления Д. Белла [2] имеют сходные позиции с классификацией И. Валерстайна в виде таких – дихотомии, как «Ядро – постиндустриальные общества»; «Полупериферия – индустриальные общества»; «Периферия – традиционные (аграрные) общества».

Однако «мир-системный подход», по глубокому убеждению Ю. Семенова, сыграл позитивную роль в развитии философско-исторической мысли и к настоящему времени ушел в прошлое [15. С. 82-95]. Но, тем не менее, в качестве анализа пограничного пространства «мир-системный» подход расширяет границы исследовательского поля и дает возможность рассматривать его с кросстемпоральной позиции, корректно обходя концептную натяжку.

Что же касается «больших пространств» (Grossraum) Карла Шмитта, то в центре внимания исследователя оказываются не столько проблемы границ, сколько политико-правовые аспекты геополитических явлений, где процесс развития государств рассматривается как стремление к обретению наибольшего территориального объема. В своих исследованиях он утверждает, что развитие «номоса» Земли должно привести к появлению Государства-континента. При чем все этапы прохождения проходят от путь от Городов-государств через Государства-территории. При этом появление сухопутного Государства-континента, материкового grossraum является исторической и геополитической константой. По мнению А. Дугина исследования Шмитта представляют для российской политической науки особый интерес, та как его анализ права и политического контекста права помогает понять, что происходит в нашем обществе [5].

В рассмотренных выше концепциях в качестве «пограничных» выступают территории периферии «географической причинности» («геополитика пространств»). При этом важно понять, что такие территории имеют собственную организацию.

Третье направление: исследования «**пограничных пространств в собственном значении**». К данной проблематике авторы относят работы ученых, которые исследовали влияние прошлых политических границ на формирование геополитического ландшафта. Это работы Ф. Броделя [3], Р. Хэртшорна [26. Р. 195-228], А.И. Резникова [14. С. 13-24], В.А. Колосова и Р.Ф. Туровского [7. С. 39-47], а также В.И. Харламова [18. С. 76-84] и др. За исключением исследования В.И. Харламова (уделяющего значительное внимание наднациональным границам, проводимым как по политическому, так и по экономическому принципам), у большинства авторов в качестве объекта анализа выступает преимущественно конкретные государственные границы и приграничные регионы – французские границы у Ф. Броделя, Верхняя Силезия у Р. Хэртшорна, Северо-Запад Европейской

России у А.И. Резникова с соавт., российское пограничье у В.А. Колосова и Р.Ф. Туровского. Тем не менее, сделанные ими выводы о жизнеспособности этнических (этнолингвистических, культурных) границ, могут быть распространены на мировую систему границ.

К примеру, Ф. Бродель, исследуя связь границы с конфигурацией отдельной территории, отмечает, что «история тяготеет к закреплению границ, которые словно превращаются в природные складки местности, неотъемлемо принадлежащие ландшафту и нелегко поддающиеся перемещению» [2]. Р. Хэртшорн рассматривая взаимосвязь между границей и культурным ландшафтом, через который она проходит, выделяет «предшествующую» («antecedent») границу, установленную до культурного развития пограничной области. Следы ее сохраняются долгое время спустя после того, как сама «предшествующая» граница перестает функционировать в виде «остаточной» («relict») границы. В свою очередь «последующие» («subsequent») границы во многих случаях совпадают с различиями в культурном ландшафте. Изучение А.И. Резниковым, Г.А. Исаченко и Е.А. Балашовым проявления отдаленных последствий существования таких «реликтовых» политических, административных и этнических границ на уровне хозяйственных ландшафтов (системы природопользования) привело исследователей к констатации определенного соответствия государственной и, возможно, шире – цивилизационной, принадлежности территории характеру ее ландшафтов. В свою очередь В.А. Колосов, Зотова М.В., Себенцов А.Б., выделяя 45 участков новых российских границ на основании ряда их свойств – природных (гидрографические, орографические и пр.), этнических (этническая контрастность), исторических (историческая зрелость и особенности формирования), а также освоенности границы, делают не бесспорный вывод о корреляции «устойчивости границ» с их контрастностью [8. С. 8-20].

В.И. Харламов исследует такой аспект проблемы, как фактическое влияние прежних языковых, культурных и этнических границ на развитие юридических границ, а юридические аспекты организации пограничных пространств и взаимосвязь между развитием границ и изменением геополитического статуса государств исследуют С.Н. Бабурин [1. С. 382-384] и С.С. Оганесян [13. С. 147-153]. Так, С.Н. Бабурин дает развернутый историко-правовой анализ основных этапов европейской территориально-политической интеграции, а также ряда политико-правовых аспектов отдельных территориальных споров, делимитации и демаркации границ. С.С. Оганесян исследует правовые основания оформления независимых государств и их автономий в результате распада СССР, а также геополитические последствия законодательства в административно-территориальной сфере постсоветской России. Научное обоснование тотального американского присутствия доказывал Саул Коэн в своей работе «География и политика в разделенном мире» [24. Р. 351]. Он предложил ввести в геополитический метод дополнительную классификацию, основанную на делении основных пространств (геополитических) на «ядра» и «дисконтинуальные пояса», где

под понятием «дисконтинуальные пояса» ученый понимал береговые сектора, ориентированные либо внутрь континента, либо от него.

Четвёртое направление: «**модели пространств геополитической нестабильности**». Дуги геополитической нестабильности, покрывающие пространства, становятся тем геополитическим фактором, что определяет современный ландшафт политического мира. Первую дугу политической нестабильности образуют страны Арабского Востока. По этим странам в 2011-2012 гг. прошла так называемая «арабская весна», т.е. государствам, подвергшимся разрушительной волне цветных революций. Таким как Тунис, Ливия, Египет, Йемен, Бахрейн и Сирия, когда протесты были полностью направлены на перевороты в странах богатыми углеводородами. Именно с так называемого «порога» Северной Африки началась «арабская весна» и быстро перекинулась на Ближний Восток. Кроме этих стран к данной дуге можно отнести Ирак и Иран. Кроме Ирака и Ирана к дуге нестабильности можно подключить Афганистан и Пакистан [12. С. 78]. Замыкает дугу нестабильности Индия.

Вторую дугу политической нестабильности авторы относят страны Европейского региона, относящейся к бассейну Атлантического океана. В данную дугу нестабильности авторы относят, прежде всего, страны севера Евросоюза – страны Балтии (Эстония, Латвия и Литва), а также Бенилюкс, Польша, Германия, Великобритания и Франция. К данной дуге политической нестабильности можно отнести Балканские страны и Украину, которые в силу своей внешнеполитической деятельности приводят международные отношения в Евросоюзе в сложное и противоречивое состояние. Нам представляется, что наметившийся развал англосаксонского атлантического проекта глобализации является главной причиной всеобщего европейского кризиса. Это – ключевая особенность европейской дуги политической нестабильности. Причем линия этой дуги политической нестабильности с арабского Востока продолжается в направлении Северного и Южного Кавказа. Однако здесь традиционно сильны исламистские и сепаратистские настроения.

По мнению авторов, третьей дугой политической нестабильности является северная часть Латинской Америки. Прежде всего, это Венесуэла и часть стран, относящиеся к Индо-Тихоокеанскому региону, где внутренний конфликт перерос в конфронтацию регионального и даже глобального масштаба. Основная причина – вмешательство Вашингтона во внутреннюю обстановку и международного сообщества в поддержку противоборствующих сторон. В то же время такие страны, как например, Куба и Боливия, заявили о легитимности правительства Мадуро.

Четвертая дуга политической нестабильности – африканская, которая дестабилизирует политическую обстановку. Она располагается среди таких стран, как Мали, Конго, Судан, Южный Судан, Сомали и имеет не меньшие конфликтогенные основы, чем вышеперечисленные дуги. В этом регионе стабильно происходят вооруженные конфликты, зачастую перерастающие в гражданские войны. В их основе лежат сходные проблемы со странами Арабского Востока:

большинство из входящих в регион африканских стран обладают значительными запасами полезных ископаемых, ресурсов и сырья, интересующих великие державы. Основные причины политической конфликтности и вооруженных столкновений в этих странах заключаются в том, что именно здесь столкнулись политические и экономические интересы таких стран, как США, Франции и Китая.

Нам представляется, что еще один регион образует пятую дугу политической нестабильности – Корейский полуостров. Именно здесь сконцентрированы как традиционные, так и новые угрозы региональной безопасности, связанные с геополитическими и военными последствиями Корейской войны 1950-1953 годов. До настоящего времени сохраняется иностранное военное присутствие во главе с Соединенными Штатами. Поэтому сегодня, в процессе формирования нового, поствестфальского мирового порядка, денуклеаризация Корейского полуострова стала одной из важнейших глобальных и региональных проблем.

Еще одну, шестую дугу политической нестабильности, активно формируют США вокруг России. В ответ на присоединение Крыма, Вашингтон приступил к созданию пояса нестабильности вокруг России: Молдавия – Украина – Южное Закавказье (Армения, Азербайджан и Грузия) – Узбекистан – Таджикистан – Казахстан – Киргизия. Вашингтон, используя внутренние противоречия и нарастающую напряженность стран во внешнеполитической деятельности с Россией, то организовать управляемый хаос в этих регионах просто, что крайне негативно сказывается на всем постсоветском геополитическом пространстве.

Важно понимать то, что помимо геополитического районирования, дуги политической нестабильности определяют сеть транспортных артерий и коридоров, по которым переносится сегодня политическое воздействие на обширные географические территории. По этим же коридорам идет транзит радикальных идеологий, пропаганды, готовящих почву для новых военно-политических конфликтов. Самое главное, **все дуги политической нестабильности в значительной мере увеличивают конфликтотенциал современного миропорядка.**

Таким образом, анализ концепций «**географической причинности**» («**геополитика пространства**»), позволяет убедиться в том, что все они основаны на представлениях о пространстве геополитическом регионе, являющемся определенной частью, как «элементе» геополитического процесса в субъект-объектных отношениях. Однако в большинстве концепций такой пространственный «элемент» лишь относительно статичен, т.к. «геополитический регион – это область, детерминированная, с одной стороны, географией, а с другой – динамическими сдвигами в центрах силы» [27]. Следовательно, можно сделать вывод, что организация пограничного пространства – это проявление на протяжении конкретного периода времени исторически сложившейся связи пограничной периферии с центром, где неизменным атрибутом является обеспечение безопасности и национальных интересов государства в условиях международных рисков и вызовов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Бабурин С.Н.** Территория государства. Правовые и геополитические проблемы. М., 1997.
2. **Бродель Ф.** Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. / Пер. с фр. Л.Е. Куббеля; вступ. ст. и ред. Ю.Н. Афанасьева. 2-е изд. М.: Весь мир, 2006.
3. **Бродель Ф.** Что такое Франция? Пространство и история. М., 1994.
4. **Валлерстайн И.** Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер с англ. П.М. Кудюкина под общей ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001.
5. **Дугин А.Г.** Карл Шмитт: 5 уроков для России // https://virmk.ru/read/d/Dugin_Shmitt.htm.
6. **Кокс Р.** Универсальный иностранец: личность и мир (Сингапур: World Scientific Publishing, 2014).
7. **Колосов В.А., Туровский Р.Ф.** Типы новых российских границ // Известия АН. Серия географическая. 1999. № 5.
8. **Колосов В.А., Зотова М.В., Себенцов А.Б.** Барьерная функция российских границ // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. № 5. <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-5-8-20>.
9. **Кулаков А.В.** Теоретико-методологические основы исследования влияния системы геополитических факторов на пограничную политику государства. Голицыно, 1999.
10. **Ламанский В.И.** Три мира Азийско-Европейского материка. Пг., 1916.
11. **Маккиндер Х.** Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4.
12. **Манойло А.В.** Геополитическая картина современного мира и управляемый хаос // Мировая политика. 2015. № 1.
13. **Оганесян С.С.** Закон силы и сила закона // Сборник трудов преподавателей ИМПЭ им. А.С. Грибоедова. М., 2000.
14. **Резников А.И., Исаченко Г.А., Балашов Е.А.** Наследие политических границ прошлого в современных ландшафтах Северо-Запада Европейской России // Известия РГО. 2000. Т. 132. Вып. 2.
15. **Семёнов Ю.И.** Теория общественно-экономических формаций и всемирный исторический процесс // Народы Азии и Африки. 1970. № 5. То же на англ. языке // *Soviet Anthropology and Archaeology*. 1965. Vol. 4. № 2.
16. **Страус А.Л.** Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Полис. 1997. № 2.
17. **Тынянова О.Н.** Организация пограничного пространства как фактор устойчивого государства в геополитических процессах: автореф. дис. ... канд. пол. наук: 23.00.02 / О.Н. Тынянова. М., 2008.
18. **Харламов В.И.** Система и классификация границ // Сборник статей Отделения погранологии Международной академии информатизации. Вып. 10. М., 2003.
19. **Хаусхофер К.** О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль, 2001.

20. **Цымбурский В.Л.** Остров Россия (Перспективы российской геополитики) // Полис. 1993. № 3, 5.
21. **Цымбурский В.Л.** Земля за Великим Лимитрофом: от «России-Евразии» к «России в Евразии» / Цымбурский В.Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: Цивилизация и ее геополитика. М., 2000.
22. **Шмитт К.** Новый номос Земли. Архивная копия от 30 сентября 2007 на Wayback Machine / Перевод с немецкого Ю.Ю. Коринца.
23. **Cohen S.B.** Geopolitics in the New World Era: A New Perspective on an Old Discipline // Reordering the World Geopolitical Perspectives on the Twenty-first Century. Oxford, 1994.
24. **Cohen S.B. *Geography and politics in a divided world*. L., 1964.**
25. **Galtung J.** Geopolitics after the Cold War: an Essay in Agenda Theory // The International System after the Collapse of East-West Order. Nijhoff, 1994.
26. **Hartshorne R.** Geographic and Political Boundaries in Upper Silesia // Annals of the Association of American Geographers. Vol. 23, December 1933. № 4.
27. **Spykman N.** The Geography of the Peace. N.Y., 1944.

A.A. TUSHKOV

Doctor of Historical Sciences, Associate
Professor, Professor at the Academy of Military Sciences,
Moscow, Russia

V.N. VORONOV

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Professor at the Academy of Military Sciences,
Moscow, Russia

YU.A. BUKHAROVA

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Lecturer at the Peter the Great Strategic Missile Forces Military Academy,
Moscow, Russia

GEO-SPATIAL MODELS IN ORGANIZATIONAL METHODOLOGY BORDER SPACE

In the proposed article, the author conducts a scientific analysis of the classification of geopolitical concepts and models in the organization of the border area, which are considered as an element of a system of common processes characterizing the modern political landscape of interstate relations. The author touches upon the elements of geopolitical models, which are considered within the framework of the subject-object relations of the geopolitical process.

Key words: border space, geospatial model, models of world centers, geopolitical macro-structures, border spaces in their own sense, models of spaces of geopolitical instability.